

Этимологические справки необходимы и для разъяснения правильного написания непроверяемых гласных и согласных в корне слов.

Литература

1. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959.
2. Греков, В.Ф. и др. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы / В.Ф. Греков [и др.]. – М.: Просвещение, 1988.
3. Кайдалова, А.И. Современная русская орфография / А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. – М.: Высшая школа, 1983.
4. Розенталь, Д.Э. Пишите, пожалуйста, грамотно! / Д.Э. Розенталь. – М.: Просвещение, 1996.

Пятаева Н.В. (Стерлитамак, Россия)

К ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ СЛОВА ПАУК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Этимологические словари русского языка [Фасмер 1996 III: 218–219; Черных 1994 II: 13; Шанский, Боброва 1994: 227] отмечают общеславянское происхождение слова *паук*¹ и возводят его к *раокъ, образованному с помощью приставки *ра- от *окъ/*онкъ, корневой гласный которого, по мнению Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой, претерпел следующие преобразования: *op > o > o > u*. Ввиду наличия у паука кривых ног, указанные словари в качестве родственных праславянскому *раокъ приводят греч. ὄυχος ‘загнутый назад зубец стрелы; крюк стрелы; загиб; угол; крючок’, ср. того же корня αὐχὼν ‘локтевой сгиб; локоть’, вообще ‘рука’; лат. uncus ‘кривой’, ‘крюк, крючок’, поэт. ‘якорь’, uncus ‘криворукий’; др.-инд. aṅka’s/aṅka’ḥ ‘изгиб, крюк’, a’satī ‘сгибает’ (и.-е. корень *ank-/*ang-/*onk- ‘сгибать, гнуть’).

Таким образом, в качестве основного признака, положенного в основу внутренней формы слова *паук*, можно считать наличие у паука изогнутых или кривых ног/рук. Однако внимательное рассмотрение истории этого слова в русском языке в широком контексте концептуальной и мифологической картин мира позволяет пересмотреть его этимологию.

Обратимся сначала к научному (биологическому) определению. По данным энциклопедических словарей [17, с. 977–978; 11, с. 908], *пауки* (Araneina) – отряд членистоногих (длина от 0,7 до 11 мм), класс паукообразных: широко распространены, в основном, ночные хищники, питающиеся вредными насекомыми и другими беспозвоночными, за исключением огромного бразильского Паука-птицееда (*Mugale avicularia*); подразделяются на тенётных, ткущих паутинные сети, и на блуждающих, ловящих добычу на бегу; некоторые, особенно тропические, ядовиты (каракурт, крестовик, тарантул); нечленистое шарообразное или удлинённое брюшко паука соединено с головогрудью, несущей 4 пары ног; на передней части головогруды 3–4 пары глаз; ротовое отверстие окружено 2 парами придатков, из коих первая несёт проток ядовитой железы; на заднем конце тела расположены паутиновые бородавки с железами внутри, *паутина* – вязкое выделение паутинных желёз, способное растягиваться в тонкие, быстро затвердевающие на воздухе нити, из которых животные делают ловчие сети, убежища и яйцевой кокон; дыхание легочное (2 или 4 лёгких); яйца откладываются или в гнездо или носят самками в мешочках.

Известный немецкий исследователь животного мира В. Гааке характеризует пауков как умных животных: «Необычайная ловкость, с какой некоторые пауки плетут свою сеть, и большое искусство, которое они при этом обнаруживают, достаточно известны. Сами они поджидают, сидя в какой-нибудь точке сети или вблизи неё, когда в паутину запутается летающее насекомое, и затем быстро подбегают к нему, окончательно опутывают его паутиной и поедают» [Гааке 1996: 371–372].

Итак, в качестве отличительных признаков паука, с точки зрения научного наблюдения, можно отметить его *хищность, искусство в плетении паутины, ум и ловкость в охоте* (а не кривые крючковатые лапы/ноги). Именно эти качества связаны с образом паука в мифологических картинах мира разных народов, что объясняется повсеместной распространённостью этого вида

¹ Ср. укр. *павук, павучий, павуковий*; блр. *павук, павучыны*; ст.-слав. *паѡкъ* ‘ткач; паук’; болг. *паяк, паяков*; с.-хорв. *паѡк, пауков*; словен. *pačjek*; чеш. *řavouk, řavoucí*; слвц. *řavúk, řavúči*; польск. *pačak*; в.-луж. *řawk, řawči, řawkowu*; н.-луж. *řawk*.

животных. Приведём некоторые наиболее характерные и яркие примеры, отражённые лингвистических, мифологических и искусствоведческих исследованиях [1, с. 68–70; 3, с. 347; 7, с. 98; 6, с. 382; 8, с. 106; 12, с. 47–50; 18, с. 295].

В мифологических традициях с образом паука связываются творческая деятельность, профессионально-ремесленные навыки, трудолюбие, благоприятные предзнаменования (ср. в связи с этим запрет убивать паука), мудрость, а также холодная жестокость (ср. высасывание крови, дьяволичность как реализацию символических значений паука в христианстве), жадность, злобность, колдовские способности.

Тонкие сети, раскидываемые пауком, народная фантазия на основании очевидного сходства уподобляла пряже и тканям, поэтому в некоторых языках названия, присвоенные пауку, указывают на нём искусного *прядильщика и ткача* (трудно представить себе искусного ткача с кривыми руками): от санскр. глагола *var* ‘покрывать’ образовались существительные *uga* ‘волна, шерсть’, *шта* ‘руно’ и *йтапа bha* ‘прядильщик шерсти, ткач; паук’; в старославянском языке слово *паОкъ* имело значения ‘ткач; паук’ [13, с. 1080]; нем. глагол *spinnen* ‘прясть’ имеет четыре производных существительных: *spinnrad* ‘прялка’, *spindel* ‘веретено’, *spinne* ‘паук’ и *spinnengewebe* ‘паутина’; с.-х. *свила* означает и ‘шёлк’, и ‘летающую по воздуху паутину’, ср. в рус. *паутинка* ‘очень тонкая пуховая шаль ручной работы с зубчатой каймой, искусно вывязанная ажурным узором’.

Летающую на исходе лета и в начале осени паутину принимают в Германии за нити, выпряденные эльфами, которые возвращаются в небесные обитатели под предводительством Гольды, покидая отцветающие луга до весны. В христианскую эпоху на пречистую Деву Марию были перенесены древнейшие предания о прядущей богине-громовнице, поэтому Богородица стала изображаться прядущей и готовящей ткани, а осенняя паутина получила названия *Marienfaden*, *Mariengarn*. Под влиянием указанных воззрений паук признан был воплощением эльфа, и в соответствии с добрыми и злыми свойствами эльфических духов связанные с ним приметы и поверья имеют двойственный характер.

С одной стороны, увидеть прядущего паука, выползёт ли он на чьё-нибудь платье или спустится на человека на тонкой нити паутины – все это принимается за хороший знак, предвестие счастья, прибыли. Особенным уважением в этом случае пользуется крестовый паук (*kreuzspinne*), названный так по крестообразно расположенным белым пятнам на спинке. В отдалённой древности крест был эмблемой громового молота, поэтому убить крестового паука или изорвать его сети немцы и чехи считали великим грехом: за это поражает небесная молния.

С другой стороны, паукам приписывают неурожай. По белорусским поверьям, люди собирают хлебные крошки и несут к Богу, так как на пути в небесное царство каждая крошка вырастает в каравай. «Боже! – говорят пауки. – Не давай людям хлеба; видишь, как они его раскидывают!». Последствием этой жалобы бывают голодные годы. У литовцев существует такое предание: однажды человек уронил крошку хлеба; паук подхватил её, раздул пузырем, принёс к Богу и сказал: «Посмотри, как люди пренебрегают твоим даром; вот какие большие куски бросают наземь!» Господь узнал клевету и на вечные времена осудил паука таскать раздутый пузырь; с тех пор паук сделался безобразным горбуном. В народных легендах чёрт нередко показывается в виде паука: если по стене, у которой лежит больной, или по его постели пробежит крестовый паук, то нечего ждать выздоровления: болезнь окончится смертью.

Плещущий паутину злодей, молчаливый и грозный ловец, паук, обладал достаточно небольшими размерами, чтобы спрятаться в капюшоне ведьмы и нашёптывать ей на ухо советы, поэтому увидеть паука во сне означает столкнуться с предательством. Встретить паука утром – значит навлечь на себя несчастье, а раздавить его – значит вызвать дождь. Вид пауков пугал собравшихся на свадьбу, ибо эти создания являлись знаками несчастной супружеской жизни. В Швейцарии считали, что чёрные язвы чумы распространялись злобными пауками, тайно перебиравшимися из дома в дом.

Но если воспользоваться знахарскими рецептами, то дьявольскую силу паука можно использовать во благо! Известно использование паука в магической медицине как для предохранения человека от болезней, так и для насылания их на него (в чёрной магии). Чехи употребляют от лихорадки следующее средство: ловят трёх пауков, зашивают их в кошелек и привешивают на тело больного; через два дня больной идёт к реке или источнику, бросает кошелек в воду и бежит домой без оглядки. На Руси сажали паука в грецкий орех и носили на шее: как иссохнет заколоченный в орехе паук, так должен иссохнуть и мучительный дух болезни. Кто убьёт паука или змею, тому прощается сорок

грехов. Любопытно, что в некоторых русских деревнях не разрешается класть на стол прялку или веретено: не то «сорок грехов наживёшь».

С магическими целями паук изображается на талисманах: североамериканские индейцы чиппева подвешивали над колыбелью младенца паутину, чтобы предохранить его от какого-либо вреда. Известны рассказы о том, как паук спас младенца Христа от жестокости Ирода (ср. аналогичные мотивы о спасении от врагов Давида, Мухаммеда с помощью паука и сотканной им паутины).

Превращённый в паука за некий проступок мифологический персонаж человеческой природы (ср. греческий миф об Арахне²) сохраняет способность к ремеслу. В других случаях обладающий искусством тканья паук обучает людей перворемеслу (у южноамериканских индейцев тоба паук был первым ткачом); оно нередко является первым из ремёсел, благодаря которому был создан мир или важнейшие его части. Так, в древнеиндийской традиции Брахма, подобно пауку, ткёт из самого себя паутину мировых законов (здесь паутина – образ космической ткани, первовещества вселенной); у народов акан (Западная Африка) паук Ананси – старейшее из живых существ, у науранцев – божественный паук-творец Ареон-Энап создаёт из раковины улитки землю, из пота – первородное море, а из камней – людей; божество-творец у индейцев сиу – паук Сусистинако, изобразив в нижнем мире крест, определил 4 основные стороны света. Одна из очень популярных персонификаций паука – распространённый у американских индейцев образ паука-мужчины и паука-женщины, выступающих в качестве творцов, культурных героев.

Мотиву превращения человека в паука в наказание близок мотив оборотничества паука (ср., например, китайское предание о пауке-оборотне, который принимает вид буддийского монаха, играющего на цитре; подаренная герою цитра превращается в паутину и опутывает его). В дунганской мифологической сказке красивый юноша-паук по ночам приходит к девушке, которая с каждым днём тает; он был обнаружен с помощью иголки с ниткой, воткнутой в его одежду, но люди не смогли его убить, так как огненная рука с неба (= молния) похитила паука-оборотня.

В сказках древней Японии пауки-оборотни насылаются на человека ночными духами/демонами, которые опутывают человека шёлковыми нитями паутины³. Однако в целом

² Арахна (Αραχνη, букв. 'паук') в греческой мифологии дочь Идмона – красильщика тканей из Колофона. Славилась как вышивальщица и ткачиха, чьим искусством восхищались нимфы реки Пактола. Гордясь своим мастерством, Арахна вызвала на состязание саму богиню Афину, которая приняла вызов, но, явившись сначала в образе старухи, предупредила Арахну о необходимости смирения перед богами. Арахна не вняла этому совету и не устрашилась богини, представшей в полном своем величии. Афина выткала на пурпуре изображение 12 олимпийских божеств, а по четырём углам ткани, обведённой узором оливковой ветви, представила как бы в наизидание Арахне наказания, которые претерпели смертные, пытавшиеся соперничать с богами. В свою очередь, Арахна выткала любовные похождения Зевса, Посейдона и Диониса. Разгневанная богиня разорвала прекрасную ткань и ударила Арахну челноком. Та в горе повесилась. Однако Афина вынула её из петли и превратила с помощью зелья Гекаты в паука, который вечно висит на паутине и неустанно ткёт пряжу.

В этой стране жил когда-то дворянин Райко. Он вызвался освободить город Киото от властвовавших там демонов. Но не успел он вступить в борьбу с ними, как эти порождения тьмы сами напали на героя. Они наслали на него лихорадку. Много дней и ночей лежал он в своей комнате, охраняемый друзьями, но охваченный и одурманенный большими фантазиями. И однажды ночью эти видения стали реальностью. Райко проснулся и обнаружил, что прикован к своему соломенному тюфяку тысячами шёлковых нитей. В этом сплетении тончайших нитей над ним колыхались членистые, щетинистые лапы. Огромные глаза сверкали в глубине сети. Райко стал жертвой паука.

Ни одного звука не издали друзья Райко. Они сидели, оцепенев, у стены, не поднимая глаз. Сколько времени находился в паучьей сети, Райко так и не смог потом сообразить. Не мог и объяснить, откуда взяли у него силы, чтобы схватить меч, лежащий рядом. Но он всё же сумел дотянуться до него. Одним взмахом Райко рассёк шёлковые путы и разрубил на части волосатые лапы. Из паучьей утробы вырвался булькающий вопль. Но воин больше не мог пошевелить рукой. Он откинулся назад, дрожа от слабости, закрыл глаза и стал ждать смерти.

Раненый паук, оставив Райко там, где тот лежал, стремительно убежал по дрожащим в воздухе нитям в свою нору. С его бегством рассеялось и заклинание, которое окутывало друзей Райко. Пробудившись, они в ужасе глядели на своего поверженного друга и на меч, который выпал из его ослабевших рук. И тут они заметили извивающиеся на полу лапы паука и смрадный кровавый след, тянувшийся во тьму. Побуждаемые чувством мести, они пошли по следу до конца и убили искалеченного монстра. После этого случая меч героя, одолевший демона ночи, называли Кумокири 'гроза пауков'.

ряде фольклорных текстов паутина служит путеводной и/или спасительной нитью, соединяющей при этом небо и землю либо какие-то точки горизонтальной плоскости (в амхарской сказке умный паук сумел перебраться через ручей на лёгкой паутинке, подхваченной ветром). Способность к передвижению во всех направлениях объясняет постоянно отмечаемый в сказках мотив хитрости паука. Мотив хитрости паука иногда сочетается с мотивами жадности и жестокости (ср. сказки о пауке и мухах, комарах и других мелких насекомых; русскую сказку о мизгире).

Таким образом, *паук является символом с тремя различными значениями*; иногда они сливаются или частично совпадают, иногда же то или иное значение доминирует. Эти три значения проистекают из: 1) созидательной мощи паука, что представлено в плетении им паутины; 2) его агрессивности; 3) самой паутины как спиралевидной сети, сходящейся к центральному пункту. Паук, сидящий в своей паутине, ассоциируется с центром мира и поэтому рассматривается в Индии как Майя, вечный ткач паутины иллюзий. Разрушительные силы паука также связывались с его значением как символа мира явлений: пауки с их непрерывным плетением паутины и способностью к убийству (созиданием и разрушением) символизируют непрерывное чередование противоположных сил, от которых зависит стабильность мира. По этой причине символика паука гораздо глубже, чем обычно полагают, означая ту «непрерывную жертву», которая является формой непрерывной изменчивости человека на всём протяжении его жизненного пути. Даже сама смерть просто сматывает нить прежней жизни для того, чтобы начать прясть новую.

Паук является лунным (ночным) животным. Луна, вследствие её пассивного характера (она просто отражает свет) и наличия прибывающих и убывающих её фаз, интерпретируемых в положительном и отрицательном смысле, относится к миру явлений, а на уровне психики – к воображению. Поэтому луна, поскольку она сохраняет власть над всем миром явлений (будучи для всех феноменальных форм причиной развития и смерти), прядёт нить каждой человеческой судьбы. Соответственно во многих мифах луна изображается в качестве гигантского паука.

Помимо ассоциации с пауком, символика *паутины* совпадает с символикой ткани. Благодаря своей спиралевидной форме она также несёт в себе идею творения и развития – колеса и его центра. Но в этом случае в центре (где находится паук-хищник) подстерегает смерть и разрушение, так что паутина с пауком посередине становится символом, воплощённым в фигуре Медузы Горгоны в центре одной из древнегреческих мозаик, где изображён истребляющий смерч. Возможно, это также символ отрицательного аспекта Вселенной, олицетворяющий гностическое воззрение, согласно которому зло существует не только на периферии Колеса Превращений, но и в самом его центре, т.е. в Первоисточнике.

Некоторые из вышеописанных свойств паука как животного и символических значений образа паука в мифологической картине мира отразились в развитии семантики слова *паук* в истории русского языка. Коротко проследим за ней на основании данных исторических и толковых словарей русского языка [15, с. 359–360; 16, с. 890–891; 4, с. 25; 10, с. 16; 9, с. 43; 19, с. 162].

Слово *паоукъ* отмечено в памятниках древнерусской письменности с XIV в., где оно выступает в прямом значении: *паоукъ на ловъ хитръ мерезю* ‘сеть, невод’ *строить* и в роли имени личного: *и възведе городъ Шюмескъ и посла Володимирию посадника Паоука* [15, с. 359]. Тогда же, видимо, сложилось и небольшое словообразовательное гнездо: *паоукъ* → *паоучина* ‘паутина’ → *паоучиньни* ‘тонкий, как паутина’; *паоукъ* → *паоучинь* ‘паучий’; *паоукъ* → *паоучь* ‘паучий’ → *паоучьни* ‘тонкий, как паутина’ и устойчивое словосочетание *поставъ паоучь* ‘паутина’. С XVI в. зафиксировано появление переносного значения ‘паук → крюковой знак’ для обозначения графемы «Ѧ» [16, с. 890]. Вплоть до середины XIX века семантика слова *паук*, равно как и указанное словообразовательное гнездо, не претерпели никаких существенных изменений. Можно отметить лишь многочисленные фонетические варианты и образные синонимические обозначения паука, зафиксированные диалектными словарями, которые характеризуют животное с разных сторон:

павукъ, павокъ, павко, павель, мизгирь⁴, муховоръ, сѣтникъ, кошель⁵, тенётникъ [4, с. 25]. Попутно заметим, что ни один из приведённых синонимов не отмечает кривых крючковатых лап паука.

Словари конца XIX – начала XX века отмечают появление у слова *паук* нового переносного значения ‘кровопийца, человек беспощадный, извлекающий выгоды из трудов другого (высасывающий, как паук, кровь и силы другого)’: *Наработался, значит ... Пососал ты из меня крови, высосал и вон меня... Ах ты ... паук!* (М. Горький. Коновалов); *[Миловидов] был подрядчиком на шахте, вернулся в село перед войной, стал держать тайный шинок с закладом... Такой паук, ростовщик – всё село высосал по мелочам* (А. Н. Толстой. Хмурое утро). Позднее в разговорной речи пауками стали называть тайных агентов охраны. Примерно в это же время подобное переосмысление происходит и в семантике слова *паутина*, ср.: ‘сеть из тонких нитей, получающихся из клейкого сока, выделяемого пауком, а также отдельная нить такой сети’ → ‘то, что напоминает внешним видом такую сеть’: *Стройные витые колонны поддерживали всё здание; на них опирались лёгкие узорчатые арки, переплетённые между собою целой паутиной железных рам* (Гаршин. *Attalea princeps*) → ‘то, что опутывает, всецело подчиняет себе’: *Я разорву эту его паутину лжи, в которой он меня хочет опутать* (Л. Толстой. Анна Каренина). Это последнее значение послужило основой формирования нескольких устойчивых сочетаний, фиксируемых словарями конца XX века: *плести паутину, опутать паутиной лжи, паутина заговора*. Однако и предшествующее значение, не имеющее столь яркой коннотации, продолжает активно использоваться для обозначения новых реалий: *Всемирная Паутина* – сервис в Интернет, представляющий все тексты, находящиеся в этой сети, как связанные друг с другом системой ссылок (*путешествовать по Всемирной Паутине*).

Из вышеизложенного следует, что внутреннюю форму слова *паук* составляют такие его качества, как искусство прядильщика и ткача, хитрость и ловкость охотника, жадность и жестокость, что никак не связано с внешним признаком крючковатости и кривизны лап. Поэтому представляется более оправданной этимология слова *паук*, предложенная в статье [14], который возводит его к общеславянскому этимологическому гнезду *em-, продолжающему индоевропейский корень *em- и заложенную в нём семантику ‘брать, хватать’: *ра-о-къ/*ра-је-къ⁶ < *рб-eti, *ро-imo < *jēti, *jēto⁷. Таким образом, семантическое развитие лексемы *паук* можно представить следующей схемой: ‘брать, хватать’ → ‘взять, схватить, поймать’ → ‘тот, кто ловит, хватает; ловец, охотник’ → ‘паук’.

Литература

1. Афанасьев, А. Н. Мифологические воззрения славян на природу: в 3 т. / А. Н. Афанасьев – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 3.
2. Гааке, В. Происхождение животного мира / В. Гаке; пер. с нем. М. Лиона. – М.: ТЕРРА, 1996.
3. Грушко, Е. А. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1995.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 х т. / В. И. Даль. – М.: ТЕРРА, 1995. – Т. 3.
5. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976.
6. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994.

⁴ Рус. *мизгирь* родственно рус. диал. *мзга* ‘пасмурная, мокрая погода; плакса’, *мзгнуть* ‘портиться, изменяться в дождливую (о погоде)’, *мизгать* ‘квёлиться, плакать’. Связь значений ‘паук’ и ‘пасмурная погода’ можно объяснить тем, что старинные русские приметы связывают поведение паука с изменением погоды: если в зимнее время пауки очень деятельно ткут свою паутину, дерутся друг с другом, вешаются на новых нитях, это означает, что через 9 – 10 дней наступит холод; если пауки прячутся, будет оттепель; паук не раскидывает летом своих сетей с обычным старанием перед дождём или бурей; нередко перед наступлением непогоды пауки сами уничтожают сотканную ими же паутину и поспешно забираются в щели; если паук снова принимается за работу или заделывает изъяны в своих тенётах, это предвещает перемену погоды к лучшему; когда же он прилагает к своей работе особые старания – будет ясная погода; если летом пауков не видно – неминуемо будет дождь, если их множество – надо ждать долгой хорошей погоды; осенний тенётник летает в ясную погоду.

⁵ И в латинском языке одно из шутливых устойчивых выражений связывает семантику кошеля и паутины: *sacculus plenus aranearum* – букв. ‘кошелёк, полный паутины’, т. е. совершенно пустой [Дворецкий: 88].

⁶ О существовании таких чередований в позднеславянском см. в [Скляренко 1992].

⁷ Ср. ст.-слав. *яти, иму* ‘брать’; с.-хорв. *iéti. imēm/jamēm* ‘брать’; словен. *jetí, jamem* ‘начать’; чеш. *jmoti* ‘взять’, *jmoti se* ‘взяться, приняться, начать’; слов. *jat’*, *jme, jmi* ‘взять, схватить’; в.-луж. *jeś* ‘взять, схватить, захватить’; польск. *jas, imie* ‘схватить, взять, поймать, начать’; др.-рус., рус.-цслав. *яти, имоу* ‘взять, брать, схватить’; рус. диал. *ять* ‘стать, брать’, *нять* ‘взять, досадить, задеть за живое’, *яться* ‘браться, обещаться’; укр. *яти, иму* ‘начинать, браться’, *няти, иму* ‘брать’; блр. *няць* ‘взять, схватить’ [ЭССЯ 6: 71].

7. Концевич, Л. Р. Арахна / Л. Р. Концевич // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 1.
8. Лейан, Б. Колдуны и ведьмы / Пер. с англ. Я. Видрак / Б. Лейан. – М.: ТЕРРА, 1996.
9. МАС III – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3 / АН СССР, Ин-т русского языка / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959.
10. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т. / М. И. Михельсон. – М.: ТЕРРА, 1997. – Т. 2.
11. МЭС 1997 III – Малый энциклопедический словарь: В 4-х т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза – Ефрона. М.: ТЕРРА, 1997.
12. Призраки ночи / Пер. с англ. С. Иванченко. – М.: ТЕРРА, 1996.
13. ПЦСС 1998 – Полный церковно-славянский словарь: в 2-х т. / Сост. священник магистр Г. Дьяченко. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
14. Скляренко, В. Г. Етимологічні розвідки / В. Г. Скляренко // Мовознавство. – 1992. – № 5. – С. 11–16.
15. Сл. ДРЯ XI – XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. И. С. Улуканов. М.: Русский язык. – Азбуковник, 2000. – Т. 6.
16. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: в 3-х т. / Репринтное издание. – М.: Книга, 1989. – Т. 2.
17. СЭС 1986 – Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1986.
18. Топоров, В. Н. Паук / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2.
19. ТСРЯ конца XX в. – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской / РАН, Ин-т лингвистических исследований. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
20. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – СПб.: ТЕРРА – Азбука, 1996. – Т. 3.
21. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – М.: Русский язык, 1994. – Т. 2.
22. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М.: Прозерпина, 1994.
23. ЭССЯ 6 – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6 / Отв. ред. О. Н. Трубачёв. – М.: Наука, 1979.

Семянькевіч А. В. (Мінск, Беларусь)

КАМПАЗИТЫ PLURALIA TANTUM У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Пытанне аб прычынах фарміравання і стабільнага функцыянавання ў мове субстантываў pluralia tantum (далей plt) застаецца актуальным у сучаснай лінгвістыцы. Аналіз рэпрэзентатыўнай колькасці беларускіх множналікавых назоўнікаў у словаўтваральнай парадыгме дае падставы сцвярджаць, што гэты граматычны клас не з’яўляецца анамаліяй ці нестандартнай перыферыяй у сістэме субстантыўнай катэгорыі ліку. Выразная дэрывацыйная структураванасць плюратываў ставіць пад сумненне тэзіс аб тым, што прычынай іх лікавай “некамлектнасці” з’яўляецца “марфалагічная аварыя” [1, с. 51]. Нашы назіранні даюць магчымасць выказаць меркаванне аб тым, што множналікавыя пазоўнікі з’яўляюцца вынікам словаўтваральных працэсаў, калі ў іх кола ўключыць і семантычную дэрывацыю.

Безумоўна, гэтая гіпотэза патрабуе вырашэння цэлага комплексу тэарэтычных праблемаў, самай значнай з якіх застаецца праблема статусу катэгорыі ліку назоўніка (словаўтваральная ці словазменная). Прызнаць усе плюратывы вытворнымі можна толькі ў тым выпадку, калі мы зможам апісаць механізм іх утварэння ў тэрмінах словаўтваральных катэгорый і правілаў, якія будуць выяўляць заканамернасці фарміравання і функцыянавання ўсяго лексічнага класа, а не асобных яго адзінак. Гэта задача прадугледжвае два ўзаемазвязаныя накірункі даследавання: з аднаго боку, трэба даказаць, што працэс утварэння плюратываў па ўсіх дэрывацыйных параметрах упісваецца ў агульную субстантыўную намінацыйную сістэму, а з другога боку, трэба выявіць тыя спецыфічныя, менавіта дэрывацыйныя (не фармальна-граматычныя) характарыстыкі, якія дазваляць аб’яднаць усе множналікавыя назоўнікі ў адзін клас.